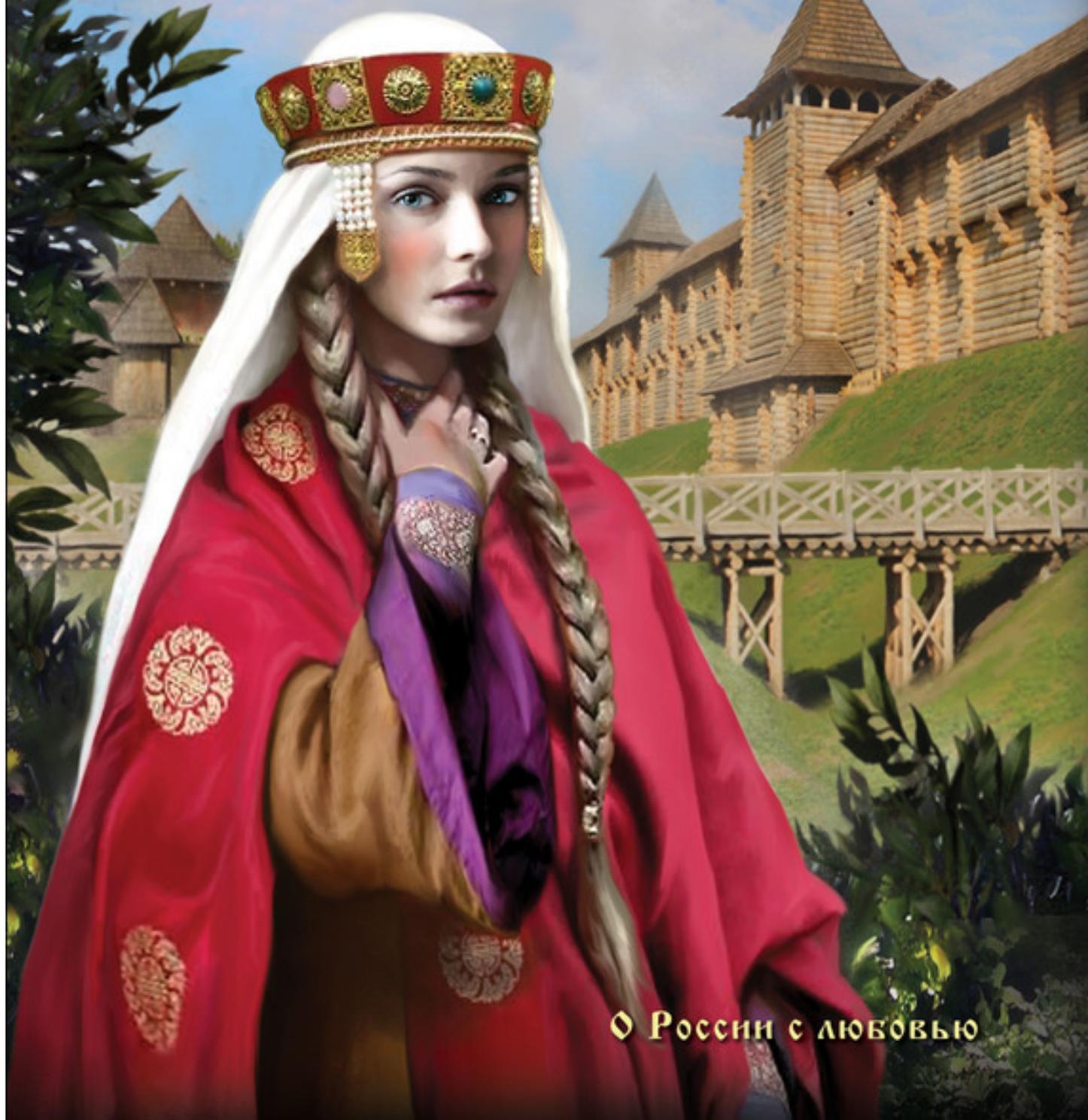

Елизавета ДВОРЕЦКАЯ

ВЕНЕЦ, ПРЯМИСЛАВЫ

О России с любовью

Елизавета Дворецкая
Венец Прямиславы

«ЭКСМО»

2006

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дворецкая Е. А.

Венец Прямыславы / Е. А. Дворецкая — «Эксмо», 2006

ISBN 978-5-699-90831-8

Выданная замуж по политическим соображениям, Прямыслава семь лет жила вдали от мужа. Он был для нее совершенно чужим человеком, и девушка уже свыклась с мыслью, что подчинит свою жизнь чувству долга, однако случайная встреча перевернула все с ног на голову. Одна незадача – в момент знакомства с молодым сыном перемышльского князя на княжне было холопское платье, надетое для маскировки во избежание дорожных неприятностей... Книга также издавалась под названием «Червонная Русь».

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90831-8

© Дворецкая Е. А., 2006
© Эксмо, 2006

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Елизавета Дворецкая

Венец Прямиславы

© Дворецкая Е., 2016

© Нартов В., иллюстрация на переплете, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э»», 2016

Пролог

Перемышль, 1112 г.

- Расскажи про деда Боняка!
- Уже не до рассказов, тебе давно спать пора! И так сколько времени внизу проболтался, не дозовешься тебя! Мал ты еще на пирах до свету рассиживаться!
- Дружина же сидит, а где дружина, там и князь! Отец так говорит.
- Вот пусть отец сам и восседает. А ты спать должен. Ты ведь еще меч не получил, значит, не князь.
- Я буду князем!
- Будешь, будешь. А теперь спи.
- Сначала расскажи про Боняка!

Разговор пошел по кругу. Княгиня Юстина Боняковна вздохнула: восьмилетний сын был упрям, как бычок, и у нее не хватало сил с ним спорить. Уже сорок раз, кажется, она рассказывала про своего отца, а его деда – половецкого хана Боняка, но Ростислав мог слушать о нем бесконечно. Снизу, из гридницы, доносился шум – там пиновала дружина перемышльского князя Володаря, из гущи которой едва удалось извлечь не в меру бойкого княжича.

– Смотри, вон и Володыша спит уже, и Ярша угомонился. Они сил набираются, завтра будут воевать, – шепотом уговаривала сына княгиня, кивая на двух его старших братьев. – А ты будешь как муха сонная.

– Не буду. Рассказывай! – требовал Ростислав, уверенный, что мать скоро уступит. И даже слегка подпрыгивал на лежанке, изображая, будто скачет во весь опор на боевом коне.

Близилась полночь, у княгини слипались глаза, но она знала, что сын не отстанет, пока не добьется своего.

– Тогда шла война, – принялась рассказывать она полупшепотом, чтобы не разбудить двух старших княжичей. – Безбожный бунтарь князь Ярославец Святополчич пришел на нас с ратью и князей угорского да ляхского привел с собою. Подошли они сюда, к Перемышлю, и обступили град...

– Чтобы ни мышь не пробежала, ни птица не пролетела? – подсказал Ростислав.

Он уже все сам знал, но боялся, что мать что-то забудет и испортит всю повесть.

– Чтобы ни мышь, ни птица, никто, – согласилась княгиня. – А князь Давид поехал в Поле Половецкое поискать там помощи. И встретил на Вагре-реке хана Боняка и войско его в восемь тысяч конных гридей. Согласился хан Боняк помочь князьям перемышльским и пошел с Давидом. Вот стало войско на ночлег, а в полночь вышел хан Боняк один в поле. И начал он выть по-волчьи, и ответил ему сперва один волк, затем другой, а потом целая тысяча волков. Вернулся Боняк к Давиду и сказал, что победит он завтра множество врагов...

Ростислав слушал, как завороченный: больше не перебивал, не шевелился, едва дышал. Мороз подирал по коже, когда он представлял все это: ночь, лес, река, блестящая серебром под луной, а между рекой и лесом – странный, непонятный человек наедине с луною, в шапке с волчьим хвостом, сам похожий на волка, такой же дикий, опасный, загадочный, как серые Хорсовы псы. Он воеет, выпевает тягучую песню войны и крови, и хищники отвечают ему из леса, признавая в нем собрата и вожака...

– Ты, волчий внук! – презрительно бросал ему старший брат Владимирко. – Дед твой – поганый нехристь, да еще и оборотень!

Владимирко и Ярослав были старшие сыновья перемышльского князя от его первой жены, черниговской княжны. И в тот самый год, когда хан Боняк волчьим голосом заклинал победу, овдовевший к тому времени Володарь взял в жены дочь Боняка, надеясь покрепче привязать дикого, алчного и ненадежного союзника. При крещении Айбике получила имя Юстина. Ее единственный сын, на четверть угорец¹, наполовину половец, уродился среднего роста, смуглым, с черными волосами и выступающими скулами. Красавцем его трудно было назвать, зато он рос здоровым, подвижным и сообразительным. Поначалу Володарь только забавлялся, глядя на выходки своего «половца», но постепенно привязался к нему и полюбил сильнее двоих старших. А Ростислав не спускал братьям насмешек и отважно кидался на них с кулаками. И нередко выходил из этих схваток победителем, поскольку отличался крепостью, быстротой и напором.

– Князь растет! – с удовольствием приговаривал Володарь.

Ростислав очень любил Сказание о хане Боняке. Десятилетним мальчиком он собирал себе в детинце такую же малолетнюю дружину и играл в ту давнюю битву. Хан Боняка, конечно, представлял он сам: сначала выл, потом обещал войску победу. Затем кто-то из мальчишек, изображавший батура Алтунопа, должен был выйти к вражескому войску, выпустить одну стрелу и вернуться, а там уж сам «хан Боняк» начинал сражение. Поначалу он обманывал «угорского короля» притворным отступлением, заманивал его в ловушку, а после ударял в тыл, рассеивал вражеское войско и брал огромную добычу!

Так они воевали, пока однажды игру «в Боняка» не увидел настоятель Иоаннова собора отец Овксен и не устроил Ростиславу выговор.

– Ведь хан Боняк, поганец безбожный, не просто так выл, а волшебную бесовскую творил! – исторгал он грома праведного негодования над повинной черноволосой головой княжича. – Злых духов он призывал, чтобы они сатанинской силой ему в битве помогли! Христианину и помыслить о том невместно, не то что подражать! Кайся теперь, чадо, проси прощения у Господа, что по детскому неразумию в такой грех впал!

Ростислав каялся, но где-то в глубине сознания жила мысль: ведь Боняк действительно одержал победу. А хотя бы и волхвованием! Мальчик с детства знал, что за обладание властью² придется постоянно воевать и со своими, и с чужими. Бог в эту борьбу не вмешивается, а значит, надо справляться как получится.

Тем более что князь-отец на него не сердился.

– Пусть воюет! Еще как потом пригодится! – говорил Володарь, когда его младшенький являлся домой в рваной одежде, весь в пыли и ссадинах. – Пусть знает, что можно силой воевать, а можно и хитростью.

Вместе с теми же мальчишками, подрастая, Ростислав проходил обучение – бегал, боролся, учился владеть оружием. В двенадцать лет он получил меч, а мальчишки, сыновья гридей, стали его собственной ближней дружиной.

– Да твой дед был предателем! – возмущался Владимирко. – Он ведь шел сюда не нам, а Святополку помогать. Давид же уговорил его переметнуться, потому что от угорцев он надеялся больше добычи взять!

– Пусть бы твой дед столько взял где-нибудь! – огрызнулся Ростислав. – А за предателя сейчас получишь!

Дело кончалось криками, воплями, расквашенными носами, каплями крови на утоптанной земле. Этого Володарь уже не одобрял. У его сыновей имелось слишком много внешних врагов, чтобы они могли позволить себе драться между собой.

¹ Матерью Володаря и бабкой Ростислава была дочь венгерского короля. (Здесь и далее примечания автора.)

² Власть – область, принадлежавшая определенному городу.

Со временем и Ростислав это понял, да и Владимирко перестал его дразнить. Хан Боняк, хоть и помог один раз Перемышлю, всю жизнь оставался опасным врагом Русской земли, принесшим ей много зла. Володарю нелегко далось то решение – привлечь язычников-половцев для войны со своими братьями-христианами. Но выбирать не приходилось: Святополк не успокоился бы, пока не отнял у братьев Ростиславичей, Володаря и Василька, все их города.

И вот Ростиславу исполнилось ни много ни мало – двадцать лет; детские забавы давно сменились нешуточными заботами, а игра в войну – настоящими битвами. О том, что он сам уже успел пережить, матери рассказывали детям перед сном. Но и теперь, засыпая где-нибудь в полевом стане и слыша далеко над лесом волчий вой, он снова видел все это: ночь, луну и узкоглазого человека в волчьей шапке, поющего песню войны и победы. И что-то отзывалось в его душе на эту песнь, как будто какой-то темный бог его предков ходил рядом, смотрел в затылок, манил за собой...

Глава 1

Берестье³, 1124 год, весна

Давно отзвонили колокола Успенского собора, созывая на обедню, но княжий терем не спешил откликнуться на их призыв. Близился полдень, а берестейский князь Юрий еще не выходил из опочивальни, и отроки в верхних сенях перед горницами, якобы охранявшие его покой, спали тоже, повалившись на охапки соломы. Юрий любил погулять, и пиры у него затягивались обыкновенно до рассвета. Гридница была полна бесчувственных тел – иные гуляки вчера не сумели доползти до дружинных изб. Бояр и городских старост, которые, хотя и не слишком одобряли буйство своего князя, никогда не отказывались от его приглашений, развела по домам собственная челядь.

Таким образом, четверых гостей, отстоявших обедню в Успенском соборе в надежде, что Бог поможет их замыслам, встретили на княжем дворе только тишина и сонная одурь.

– Поле битвы, истинный крест! – пробормотал один, хорошо одетый, в желтой бархатной шапке, отороченной собольим мехом, по виду боярский сын. – Вот тогда под Владимиром я такое же видал...

Они стояли в сенях перед гридницей, а на пороге лежал какой-то длинноусый гридень с шишкой на лбу и таким страдальческим выражением лица, точно его пытали, а он, держась из последних сил, все-таки не сдавался.

– А ты, Гостяйка, надеялся в храме с князем поздороваться! – поддел боярского сына спутник – светловолосый, с выпуклыми голубыми глазами. – Тутошних, как видно, и соборными колоколами не разбудишь.

– Растормошим! – весомо заметил третий, боярин средних лет, с сединой в рыжеватых волосах. – Как узнают, с чем прибыли, враз забегают. Ну, Коврига, чего стоишь? Пихни его как следует, а то помрет во сне без покаяния!

Последнее относилось к четвертому спутнику, и он, живо нагнувшись, стал трясти длинноусого. Однако тот, не просыпаясь, лишь замычал, да так мучительно, словно просил добить его.

– Эй, есть тут жив человек? – во все горло заорал голубоглазый, которого звали Корило.

– Чего голосишь-то? – Со двора в сени вошла женщина такого могучего сложения, что гости невольно попятнулись. На поясе ее звенела большая связка ключей, указывая на должность. – Вы откуда, гости дорогие? – уже вежливее добавила она, разглядев хорошую одежду и уверенный вид незнакомцев. – Если к князю, то рановато еще. Обождать надо немного. Князюшка не вставал покуда.

– Погуляли, видно, вчера? – Корило кивнул на длинноусого.

– Погуляли! – Ключница вздохнула, поскольку гораздо больше, чем сам князь, задумывалась над тем, во что обходятся его постоянные гулянки.

– Разбудила бы ты его, мать! – посоветовал Гостяйка. – Тут дело такое...

– Не война ли? – Женщина переменялась в лице и схватилась за железную фигурку уточки, висевшую в ожерелье.

– Напротив того, радость! – наставительно пояснил старший из приезжих. – Поди скажи, что приехали из Турова боярин Самовлад Плешкович, сын боярский Доброгость Даливоевич и иные лучшие мужи с ними!

³ Современный Брест.

Купца Корилу и своего слугу Ковригу он не посчитал нужным упоминать, но ключница и без того захлопотала.

– Проходите, гости, проходите! – Она протиснулась мимо них, заглянула в гридницу, не зная, куда посадить среди такого развала. – Ратайка, Доволька, да где же вы, лешие, провалились! – закричала она во двор. – Полдень, обедня прошла, а тут конь не валялся!

– Даже не прибежал еще! – вставил Корило и ухмыльнулся.

– Да уберите хоть это идолище! – Не дожидаясь помощи, ключница сама схватила длинноусого страдальца за плечи и спихнула с порога, освобождая гостям путь. – Проходите, люди добрые, проходи, боярин, сделай милость!

Влетев в гридницу впереди них, она споткнулась об упавший деревянный ковшик, отшвырнула его в сторону, торопливо вытерла передником край лавки и сложила руки, показывая, что эту лавку может предложить гостям с чистой совестью. Опасливо подбирая полы дорогого зеленого плаща, боярин Самовлад с важным видом уселся, а ключница выскочила в сени. Со двора сразу же послышался ее громкий голос.

Кто-то с топотом пробежал по лестнице вверх; Корило потешался, прислушиваясь к происходящему в тереме, и подмигивал Гостяйке, который, напротив, старался сохранять важный и неприступный вид, как и подобает послу. А горничная девка, проворная, хотя и некрасивая Жалейка, уже пробралась в горницу и теперь теребила там кого-то:

– Вставай, княже, вставай! К тебе из Турова приехали, от тестя, боярин такой важный! Да вставай же, обедню проспал, войну проспидь!

Всклобоченная русоволосая голова поднялась над подушкой и тут же упала опять.

– Поди ты к лешему, коза! – протянул другой голос, женский, и из-за пышной подушки поднялось хорошенькое юное, хотя несколько помятое и утомленное, личико. – Не видишь, спим! Что орешь, как на пожаре?

– Вставай, Ялька! Хорошо, сюда не полезли, в гриднице уселись!

– Да кто?

– Из Турова приехали, говорю вам, от тестя! От Вячеслава туровского! А если бы влезли сюда и тебя, дуру, в постели у князя нашли? Тогда война, вот вам! Допируетесь!

– Чего – война? – хрипло спросил, наконец, сам Юрий, с трудом разлепляя припухшие веки. – С кем?

– Матушка Пятница, да со всем светом! – Жалейка уронила руки и с укором посмотрела на него. – Вставай, батюшка! Приехали к тебе бояре из Турова, говорят, дело важнее некуда!

– Уж не помер ли Вячеслав? – оживился Юрий и сел в постели, оправляя сбившуюся сорочку и пытаясь пятерней расчесать спутанные русые кудри. – А оно бы... хорошо бы...

«Успеет помереть, пока ты встанешь!» – подумала Жалейка, но ничего не сказала.

– Ну, зови, что ли, этих, одеваться! – решил Юрий и спустил ноги с лежанки.

– Лучше сама – ведь не добудишься никого, – проворчала девка и откинула крышку ларя в поисках свежей рубашки.

– Перечеси меня! – потребовала красавица, лениво выбираясь из пухлых перин и отбрасывая с лица растрепанные пряди.

Ее русая коса, словно змея, ползла за ней и была такой длинной, что связь ее с хозяйкой не бросалась в глаза, и коса выглядела как самостоятельное существо.

– Не могу же я все сразу делать! – Жалейка в это время оправляла на князе новую рубаху. – Сейчас Кобылиха придет, она тебя перечесет!

– Чертей этих позови из сеней, пусть они князя одевают. Что мне теперь, до вечера нечесаной сидеть?

– Подождешь! Княгиня нашлась! Тебе-то в гридницу к гостям не идти.

– Поговори у меня! – капризно прикрикнула Вялица. – Делай, что говорю, а то сразу у меня за морем Греческим окажешься!

– Не вопите, девки! – Князь поморщился. – И так голова трещит. Ялька, не ори. А ты поди растолкай Яроху, пусть красные сапоги принесет, а то на эти мне вчера козел какой-то наблевал...

Жалейка поджала губы, но ничего не ответила и вылетела в верхние сени. Когда на нее, как на всякую молодую девку в тереме, в свое время снизошла князева благосклонность, она все-таки не забывала совесть и никогда не валялась в его постели до света.

Но вот отчаянными усилиями ключницы и той части челяди, которая держалась на ногах, и терем, и сам князь приобрели достойный вид. Из гридницы спешно выгнали непроспавшихся гуляк, убрали грязную посуду, подмели объедки и замыли неблагоприятные следы вчерашних излишеств. Когда Юрий спустился, только легкая припухлость под глазами позволяла догадаться, что и он во вчерашнем буйстве не оставался сторонним наблюдателем. Поднявшись при его появлении, туровцы кланялись: Самовлад Плешкович – с достоинством, Корила и Гостяйка – подобострастно, но все одинаково дивились, каким свежим выглядит хозяин по сравнению с его домочадцами.

Берестейский князь Юрий Ярославич был красивым мужчиной: высокий, стройный, с темно-русыми кудрявыми волосами и аккуратной бородкой, с прямыми черными бровями, которые оттеняли ясную голубизну глаз. От бабок и прабабок, высватанных дедами у иноземных князей, он получил в наследство немецкую, шведскую и польскую кровь; яркая внешность, живой нрав, недурные способности могли бы дать ему немало, сумеет он достойно распорядиться этим богатством. Но отец его был человеком невезучим, и Юрий привык жить днем сегодняшним, извлекать из него как можно больше удовольствия и не думать о завтрашнем, которого может вовсе не быть. И вот, хотя ему было уже сорок, берестейский князь жил как юноша: нарядно одевался, подчеркивая свою красоту с помощью греческого самита, золотого шитья на оплечье и опястьях рубахи, а в ухе носил золотую серьгу с крупной, неправильной формы жемчужиной.

– Самовлад Плешкович! – Узнав гостя, он даже соизволил обнять его, а боярского сына Гостяйку похлопал по плечу. Держался князь дружелюбно, приветливо, словно искренне радовался гостям и ничуть не стыдился того, что его дом застали в таком неподобающем виде. – Ну, какие вести? Как Туров? Не передрался еще окончательно? Собор Борисоглебский не рухнул? Епископ Игнатий здоров ли? Все дрова колет? Топором, прости господи, по ноге еще не заехал себе?

Гости улыбались: им понравилось, что берестейский князь так хорошо помнит дух их города.

– Как мой второй батюшка, Вячеслав Владимирович? Здоров ли? Нет ли какой войны у него? – продолжал Юрий, и в мыслях его трепетала шальная надежда: «А ну, как и впрямь...»

Однако на печальных вестников гости не были похожи.

– Князь здоров, только мы что-то давно его не видали! – с намеком ответил боярин Самовлад. – У угорского короля с братьями вражда, вот Вячеслав и отправился чужое стадо пасти. А своим пренебрегает.

– Да что вы говорите? – Юрий оперся о подлокотник престола и наклонился вперед, как будто услышал нечто удивительное.

– Собрались мужи туровские и порешили: нам князь нужен такой, который не за морями, а на Руси будет нас оберегать! – продолжал Самовлад. – И сказал город Туров общим голосом: приди к нам, Юрий Ярославич, и владей нами! Не позволяй киевлянам нас держать за своих холопов, но управляй нами сам по правде!

– Вот что! – только и воскликнул Юрий, схватившись за бороду рукой в ярких блестящих перстнях.

Такого он никак не ожидал. Его деда, родной и двоюродный, его дяди и отец много лет сражались с другими ветвями Рюрикова рода за обладание то Владимиром⁴, то Перемышлем, то червенскими городами, и в этой борьбе вся его мужская родня поочередно сложила головы. Род Изяслава, второго сына Ярослава Мудрого, к которому принадлежал Юрий, потерпел поражение. На владимирском и туровском столах утвердились потомки Всеволода Ярославича, на перемышльском – внуки Владимира. Только из милости и христианского желания быть в мире с ближними туровский князь Вячеслав Владимирович отдал за Юрия свою дочь, а киевский князь Владимир Мономах дал за внучкой берестейский стол. Не имеющему сильной и влиятельной родни Юрию предстояло состариться и умереть в Берестье, на самых западных рубежах Руси. Но вот город Туров добровольно предлагает ему власть над собой! Мало того, что Туров больше и богаче, – от него гораздо ближе до Киева...

К городским старостам и сельским боярам разослали гонцов – звать на совет. Едва ли город мог не отпустить князя, но должен был обсудить, кого принимать взамен, и обговорить с отъезжающим правителем условия союза городов, если таковой окажется возможным.

* * *

Уже на следующий день – как раз выдалась пятница, день торга, – по окончании обедни народ, не расходясь, толпился перед Успенским собором и всю обсудал новости. Тут и там собирались кучками люди, и в каждой говорили свое. В приграничном городе смешались всякие роды: древляне, дреговичи, волыняне – потомки древнего племени дулебов, обитавшего в этих местах еще пять веков назад. Встречались ятвяги, ляхи, угорцы.

– Кто же у нас теперь князем-то будет? – волновались бабы, собравшиеся на торг с лукошками и коробами.

– Да их, Изяславова⁵ племени, осталось-то всего ничего! – бойко рассуждал поп маленькой Власьевои церкви, отец Никодим. – Всех ведь Господь уже призвал. Кроме Юрия, только двое и остались, да и те еще дети – Юрий Ярославич⁶ да Вячеслав Ярославич. Их и примем на княжение.

– Да они ведь, сам говоришь, дети еще совсем! – вздыхала хорошо одетая посадская баба, жена какого-то зажиточного ремесленника или мелкого купца. – Какие из них князья?

– А вот такие! Это у тебя дети как дети, а у князей и дети – князья! – вразумил ее отец Никодим, не замечая раздавшихся вокруг смешков. – А пусть хотя бы и дети! Пусть сидит у нас род Изяславов, при нем мы от киевской тяготы избавимся!

– Да какая нам от них защита, от младых отроков? Ни войско вести, ни судом рассудить, ни на совете слово сказать!

– Зато мы их сами воспитаем, как родных сынов! Научим, как о благе Берестья радеть!

– Да ты что, отец Никодим, сдурел совсем! – напустилась на него другая баба: немолодая, в богатом цветном платье, несмотря на будний день, с золотой вышивкой очельем, широкая, могучая, сама чем-то похожая на воеводу. – Народ к измене подбиваешь, да прямо на

⁴ Владимир-Волынский – город на реке Луге, на Волыни, на территории племени волынян. В летописи сказано, что в 988 г. Владимир Святославич построил его для своего сына Всеволода. С этого времени являлся столицей Волынского княжества. На рубеже XI–XII вв. князья здесь постоянно менялись, с середины XII в. город закрепился за потомством Владимира Мономаха.

⁵ Имеются в виду потомки князя Изяслава Ярославича, одного из сыновей Ярослава Мудрого. Изяславичи соперничали с потомками двух других сыновей Ярослава – Владимира и Всеволода, борясь с ними за власть над различными городами.

⁶ Это реальный и далеко не единственный случай полного совпадения имени и отчества у двоюродных/троюродных братьев или у дяди и племянника. В каждом поколении княжеских династий использовался тот же самый набор родовых имен, поэтому одновременно существовали по два-три родственника, которые являлись полными тезками. Постоянное совпадение имен и отчеств у персонажей обоего пола – дань реальному положению дел, а не свидетельство бедности авторской фантазии или желания запутать читателя.

торгу! Город Берестье издревле Киевской земле принадлежал, а ты что же, отделяться задумал? Окстись! Юрий Вячеславу туровскому зять, киевскому Владимиру родич, потому и сидит здесь. А Ярославцевы дети нам не надобны!

– Да, вон Владимир-город принял на княжение Ярославца Святополчича, так в осаде с ним и насиделся! И голодом их морили, и приступами брали, и села у них жгли, землю разорили совсем! – поддержал ее кузнец Меженя. – Отступились владимирцы, прогнали Ярославца. А мы его детей к себе позовем! Оставался бы Юрий там, где есть. А то теперь станет с тестем воевать, так и нас в покое не оставят!

– Так что теперь делать, матушка Евдокия Борисовна? – крикнул развеселый мужик, молодой и кудрявый, но с утра хмельной и по виду беспутный. – Цепью за ногу, что ли, прикуем Юрия?

– Язык тебе приковать, Вереська! – Боярыня в досаде махнула на него рукой. – Люди только с обедни идут, а ты уж угостился где-то, бредешь, ноги в завивочку! Работать бы шел! А потом вот такой же хмельной на вече пойдешь, да будешь орать там от большого ума!

– Тебя, матушка, в боярской думе заждались! – продолжал веселиться Вереська.

– Я-то в думу не пойду, а вот Яруновичу скажу: надо нам теперь из Владимировой киевской родни кого-то в князя себе звать, только бы не воевать.

– Если кто нас оборонит от Владимира, то разве Изяславичи! – возражал ей другой мужик. – А если, как ты говоришь, так и будем весь век у стремени чьего-то ходить!

– Да не в той мы силе, чтобы сами собой править, а так хоть без рати обойдется!

– В чьи дела ты, баба, лезешь, хоть ты и боярского рода? Управляй своим домом, а в княжьи дела не встрывай!

– Ой, какой воевода нашелся! – Евдокия Борисовна уперла могучие руки в широкие бока и придвинулась к обидчику. – Ты, Любоежка, мни свои кожи, знай свои чаны, да молись, чтобы твоих сыновей на рать не забрали с тобою вместе! Кричите на вече, сами не зная, что беды на себя зовете, а потом удивляетесь: чем, дескать, мы Бога прогневили? А тем и прогневили, что о своей же пользе подумать не умеете!

Народ гудел, каждый кричал свое. Берестье с давних времен принадлежало Киевскому княжеству и являлось его самым дальним западным пределом. По существовавшему уговору нынешний берестейский князь платил Киеву дань и поставлял ему войско. Эти повинности внушали берестейцам особенное недовольство: им были чужды тревоги Киевщины, постоянно осаждаемой половцами. Войско пригодилось бы и дома: слишком близко сидели польские короли, вовсе не смирившиеся с потерей этих земель. Но обладать Берестьем хотели бы и туровские князья, и владимирские, и князья Червонной Руси, лежавшей южнее. Пока во Владимире и Турове правили родные сыновья киевского князя, никаких перемен в Берестье не предвиделось. Но если в Турове появится князь из другой ветви, враждебной киевлянам, равновесие сил нарушится, Берестье сможет, пользуясь раздорами соседей, выгадать для себя более удобные и почетные условия.

– Дурни вы, дурни! – пыталась вразумить боярыня Евдокия тех, кто жаждал свободы. – А про ляхов забыли? Ведь они под боком у нас, а дальше нас на запад никаких русских земель уже нет. Вот пойдет на нас ляхский король – Киев полки пришлет, да и Владимир нас прикроет. А без них что будем делать?

– С ляхским королем договор утвердим!

– Дочерей его замуж за наших князей молодых возьмем!

– Так он вам и дал! Выкуси-ка!

Споры захватили и торговую площадь, где сегодня во всех лавках ремесленники продавали наработанное за неделю, а купцы – привезенное из других земель.

– Да, может, все это еще болтовня одна! – сказал Меженя и пошел прочь с досадливым видом: вот, дескать, заставили время терять из-за таких пустяков. – Может, и не звали Юрия ни в какой Туров...

– Звали, еще как звали! – возмущенно закричала ему вслед молодая девушка с очень длинной светлой косой. – Давайте я лучше расскажу, я всю правду как есть знаю!

Одета она была очень хорошо: красивый теплый кожушок, отороченный дорогим кунным мехом, шелковое очелье с золотым шитьем, а зашнурованные в тонкие косички над ушами, блестели светлым серебром. Даже носки кожаных башмачков, видные из-под зеленого подола шерстяной верхницы, были густо расшиты красными узорами. Не смущаясь всеобщего внимания, девушка бойко рассказывала:

– Приехали бояре, все такие важные, человек восемь, а может, десять. Да и прямо с порога в ноги Юрию Ярославичу упали: пожалей нас, говорят, сирот беззащитных, бесприютных! Весь город Туров, говорят, нашими устами тебя умоляет: приди и владей нами, а мы ни в чем из твоей воли не выйдем и будем служить тебе, как дети отцу!

– А как же туровский князь? – недоумевал мужик в войлочной шапке, видно приехавший из села и в княжеских делах соображавший туго. В опущенной руке он держал короб с ляжками, в котором лежало то ли зерно, то ли еще какой-то товар на обмен. – Или помер?

– Не помер, а за море куда-то ушел. В Угорскую землю!

– Угорщина не за морем! – подала голос другая девушка, в свите из красновато-коричневого сукна и с беленькой косынкой на голове. За ее спиной стояла нянька, еще крепкая женщина, и слегка тянула девушку за рукав, намереваясь увести, но та не обращала на нее внимания. – Дура ты, сама не знаешь, что говоришь!

– Это я-то дура! – Нарядная красавица уперла руки в бока и двинулась на нее. – Своими ушами я все слышала!

– Не могла ты такой брехни нигде слышать, кроме как у собак под забором! – не сдавалась девушка в косынке. Румянец на ее щеках разгорался от негодования все ярче. – Чтобы Туров сам от Вячеслава Владимировича отрекся и другого позвал! Не может такого быть! Туровской землей киевские князья владеют, и раз киевский князь сына туда посадил, другого там быть не может!

– А вот было, было! Вячеслав ушел незнамо куда, а свою волость бросил, вот они и зовут княжить Юрия Ярославича!

– Да ведь он не пойдет!

– Еще как пойдет!

– Не посмеет он своего тестя...

– А вот увидите!

– Да что ты понимаешь в этих делах, холопка!

– А побольше твоего понимаю! – завопила в ответ красавица с длинной косой, не опровергая, впрочем, своей принадлежности к холопам. – Это ты за печью сидишь, а я день и ночь в княжских палатах! Я все князевы дела знаю, как и бояре не знают!

– Это точно, что день и ночь! – съязвил кто-то в толпе. – Ты, что ли, теперь у князя ночами лежанку стережешь?

Народ загудел, стал многозначительно посмеиваться. Красавица вздернула носик, а ее противница вдруг переменялась в лице и вспыхнула.

– Ага! – торжествуя засмеялась Вялица. – Замолчала! То-то же! Юрий Ярославич в Туров поедет, и я с ним поеду! Я и в Берестье сейчас княгиня, и в Турове княгиней буду!

– Да он в Турове других найдет, не хуже! – опять подал голос кто-то сзади.

– Ты язык-то попридержи! – Князева любимица сердито обернулась. – Юрий Ярославич меня любит, ничего для меня не жалеет! Вон старый киевский князь Святополк тоже на простой девке женился, так ее любил, что прямо плакал, если расставаться приходилось, и двум

сыновьям ее все свое наследство завещал! А раз было, так и еще будет! Может, и на мне князь женится!

– Сдурела девка! – хихикнул кто-то. – Даже с посадничьими дочерьми не хотят епископы венчать, а ты что задумала!

– Так ведь он женат! – напомнила какая-то баба.

– Ну... – Въялица запнулась, внезапно вспомнив об этом досадном обстоятельстве. – Да где его жена? Кто ее видел? Сидит себе в монастыре, может, хочет постриг принять! А пока я в Берестье княгиня! Что я захочу, то князь и сделает! Который человек мне не понравится, враз тому голову снесет!

Народ посмеивался над ее хвастовством, а она победно продолжала:

– Захочу, всю лавку куплю! Захочу – весь ряд мой будет, со всеми товарами и купцами вместе! Такие обноски, – она с презрением оглядела девушку в косынке, – ни за что не надену!

И красавица пошла вдоль ряда, провожаемая не только насмешливыми, но и уважительными взглядами: что ни говори, а дела князя она действительно знала как никто другой.

Девушка в крашеной свите осталась стоять, словно приросла к месту.

– Пойдем! Пойдем, голубка, далеко ли до греха! – уговаривала ее нянька и тянула за рукав.

Девушка ее не слышала, а все смотрела с гадливостью вслед ушедшей, будто уползающей змее. В голубых глазах ее стояли слезы досады и бессильного гнева.

– Значит, вот как... – задыхаясь, прошептала она. – Значит, вот каких...

– Ну, говорили же! – Нянька развела руками, что, дескать, это все нам давно известно. – Ведь князь не монахом живет, это и матушка игуменья знает. Эта ли, другая – тебе-то что за дело? Пойдем-ка, а не то признает кто-нибудь – срам какой...

Девушка отвернулась. Два купца из ближних лавок покосились на нее и многозначительно перемигнулись между собой: неумеренная любовь князя Юрия к женскому полу в Берестье чуть ли не в поговорку вошла, так, может, перед ними соперница хвастливой Яльки?

* * *

Купцы Кирило и Радогость бывали в разных землях и повидали немало, но и они весьма удивились бы, если бы узнали, что догадка их отвечает истине с точностью до наоборот. Девушка в косынке никогда по доброй воле не унизилась бы до соперничества с бесстыжей холопкой. Это соперничество навязали ей самой судьбой: ведь она-то и была княгиней Прямиславой Вячеславной, законной женой Юрия Ярославича вот уже целых семь лет.

6625 год от сотворения мира⁷ выдался очень беспокойным. Вечный бунтарь Ярославец Святополчич опять задумал отнять владения у перемышльских Ростиславичей, для чего привел на Русь поляков. Осадой города Владимира удалось привести Ярослава в покорность, с него и его родных взяли клятвы дружбы, а родство подкрепили брачным союзом: за Юрия, двоюродного племянника мятежного Ярослава, выдали и дочь Вячеслава туровского, который приходился сыном киевскому князю Владимиру Мономаху. Вместе с невестой Юрий получил Берестье, в котором некогда княжил его отец, лишенный владения за непокорность Киеву.

Юрий тогда был зрелым мужчиной, уже овдовевшим, а Прямиславе исполнилось всего десять лет. Но бывали княжеские невесты и помоложе: случалось, венчали и семилетних. Сама десятилетняя девочка вполне охотно признала себя «уже взрослой» для брака, тем более что мысль о важности ее будущего брака – какой ни судит Господь – ей внушили почти с рождения. Но мать ее хорошо понимала, как мала еще ее старшая дочь, и со слезами прощалась с ней, точно предчувствуя, что больше им не свидеться: княгиня Градислава Глебовна умерла

⁷ 1117 год.

через четыре года после свадьбы дочери. Родители с боярами и их женами провожали юную невесту по дороге целый день и все никак не могли расстаться. Мала, слишком мала была их дочь для того, чтобы покинуть родительское гнездо и вить свое собственное. Но вот родители простились, повернули назад, и дальше Прямыславу провожали туровские бояре с женами, а также присланные за ней берестейские бояре, тоже со своими боярынями. Единственным близким человеком для Прямыславы осталась нянька Зорчиха. Отец, мать, младшая сестра Верхуслава, которая по глупости завидовала, что Прямыслава уже взрослая, – все родное и близкое осталось где-то на другом краю света, а впереди ждало только чужое и холодное. Маленькая невеста плакала всю дорогу от страха и тоски, а Зорчиха утешала ее рассказами о будущей славе, чести и богатстве. Нянька уверяла, что муж, то есть Юрий Ярославич, будет любить ее и беречь, как отец. Про себя Зорчиха, должно быть, думала, что кое-какое сходство с Вячеславом и правда имеется: жених был старше Прямыславы на двадцать с лишним лет и без всякой натяжки годился ей в отцы.

Саму свадьбу Прямыслава помнила плохо, и хуже всего венчание, когда ей на палец надели слишком широкое кольцо, а потом Зорчиха его спрятала, чтобы ребенок не потерял. Но десятилетняя девочка, конечно, не могла стать настоящей женой мужчине на четвертом десятке, а родственниц в доме, чтобы смотреть за ней, у него не имелось. Сразу из церкви ее проводили в Апраксин-Мухавецкий монастырь – взрослеть и ждать «поры», то есть возраста, когда она на самом деле будет пригодна для брака. Здесь игуменствовала мать Юхимия, в миру княжна Добролюба Мстиславна, троюродная сестра Юрия Ярославича. Поначалу Юрий по праздникам навещал юную супругу. Но потом его посещения стали все реже и со временем совсем прекратились. Он занимался делами, охотой, пирами, да и женщин мог найти себе более привлекательных, чем маленькая девочка, способная пока только возиться с тряпичными куклами и повторять за монахинями слова молитв. Холостяцкая жизнь, с ее волей, постоянными гулянками и частой сменой красивых холопок, ему нравилась гораздо больше, чем добродетельный семейный уклад.

Но годы пролетели, Прямыславе исполнилось семнадцать лет, о чем ее муж, кажется, и не вспоминал. Апраксин-Мухавецкий монастырь стоял в самом городе, от княжьего двора его отделяли две улицы и торг. Поскольку Прямыслава не собиралась становиться монахиней, игуменья нередко отпускала ее прогуляться, только просила не слишком наряжаться – пестрое мирское платье смотрелось бы неуместно в монастырских стенах. Роскошные ткани и шитые жемчугом повои, исподницы с шитыми золотом опястьями, серебряные колты-звезды и золотые ожерелья с эмалевыми подвесками, доставшиеся Прямыславе в приданое, хранились в сундуках под замками, а одевалась она просто, как обычная горожанка. Даже косу носила по-девичьи: ведь «веселья», то есть свадебного пира, наутро после которого косу расплетают надвое и укладывают по-женски, у нее не было. И тем берестейским молодцам, что встречали Прямыславу на улицах и, бывало, увязывались следом, привлеченные ее красотой и статью, не могло и в голову прийти, что эта девушка – их княгиня. Мало кто в городе вообще помнил о том, что у князя Юрия есть законная жена.

Разгульная жизнь мужа для Прямыславы не составляла тайны, как и то, кем он ее заменил. Теперь она не столько желала, сколько боялась того дня, когда он вспомнит-таки о законной жене, устроит пир, завершающий брачный обряд, и ей придется вести его дом. Разумеется, его блудливых подружек она первым делом разошлет по дальним селам, но... Как ни молода была Прямыслава, а все же понимала: ей будет стоить немалого труда избавить мужа от старых привычек.

– Чего же с него взять, голубка! – Нянька Зорчиха разводила руками. – Он с тобой обвенчан, и только, а живет один, как бобыль. Как же ему быть? Вот и блудит. Известное дело!

– Зачем тогда женился? – отвечала Прямыслава. – Это я была дитя неразумное, за меня отец все решил. А ему-то четвертый десяток шел, заранее знал, как все будет! Если нужна жена, так искал бы настоящую, а не сватался к недоросточку!

– Не ради жены, а ради мира с Вячеславом он сватался! Отца твоего любовь ему была нужна, а не твоя! И отца не упрекай: мало ли крови Изяславичи всем попортили. Как Зорча мой покойный говорил: худая стоянка лучше доброго похода!

Привыкшая к монастырскому образу мыслей Прямыслава старалась смириться, но кровь князей-ратоборцев бурлила в ней. Долго еще после случая на торгу она бледнела от негодования, вспоминая Вяжицу, наряженную в шелк, с яркими лентами в косе, с тремя рядами блестящих бус на шее, с серебряными кольцами на висках и браслетами на обеих руках! Ее самодовольное румяное лицо, торжество, с которым она объявила себя чуть ли не берестейской княгиней, не зная, что настоящая княгиня стоит перед ней! Прямыслава чуть не плакала от досады и унижения. Не хватало еще ей, княжне Рюрикова рода, встать на одну доску с этими... Ей, внучке англосаксонской принцессы Гиды и киевского князя Владимира Мономаха, родители которого сидят на тронах в Греческой земле, Польше, Угорщине, Швеции, Юрий предпочел вот эту... Прямыслава не могла ревновать мужчину, которого совсем не знала и не любила, но ей как острый нож казалась сама мысль о том, что ее законное место занимает разряженная холопка.

– Да где бы он обретался теперь, Юрий, если бы мой дед Владимир ему берестейский стол не отдал! – бушевала Прямыслава у себя в келье перед Зорчихой, которая слушала и горестно вздыхала, продолжая вязать чулок. – Жил бы сейчас из милости у какого-нибудь сильного князя при дворе, за каждую корку бы в пояс кланялся, рубахи бы носил с чужого плеча! Мои отец и дед его князем сделали, а он и меня обидел, и на отцовский стол теперь рот разевает! Дурная кровь эти Изяславичи, всех бы их под корень извести, чтобы и на племя не осталось!

А Юрий, не зная, как проклинает его собственная жена, был весел и доволен. Приняв посольство, звавшее его на туровский стол, он тут же стал собираться. В Берестье он вместо себя посадил своих троюродных братьев-сирот, Юрия и Вячеслава. Старшему из них исполнилось тринадцать лет, младшему – одиннадцать.

Дружину и челядь Юрий увел с собой. Прислал он и за женой, но Прямыслава наотрез отказалась ехать. Княгиню приводила в негодование мысль, что ее пытаются заставить за спиной у отца участвовать в захвате его владений, а кроме того, она не желала видеть Юрия Ярославича, который променял ее на купленных холопов, и не похоже, чтобы раскаялся! Конечно, она была бы вовсе не прочь снова оказаться в Турове, но не таким же образом! Мать умерла, сестру Верхуслану тоже выдали замуж, и в городе ее детства Прямыслану никто не ждал.

Юрий не настаивал, чтобы жена его сопровождала. Казалось, за своими пирушками он не замечал, как идет время, и продолжал думать, будто в Апраксино-Мухавецком монастыре живет десятилетняя девочка.

После отъезда князя Прямыслава с Зорчихой каждый день бывали в городе: то на торгу, то на службе в Успенском соборе. Новостей хватало. Рассказывали, что владимирский князь Андрей – родной дядя Прямыславы по отцу – обновляет укрепления города, хотя его главный враг, князь Ярославец, уже погребен внутри, в соборе. Володарь перемышльский готовится идти воевать ляхов, чтобы отомстить им за постоянные набеги. Вот только по брату поминки справит – умер Василько теребовльский, много лет назад злодейски ослепленный недругами. Но ни из Турова, ни от ушедшего в Угорщину Вячеслава вестей не приходило.

В Берестье пожаловали новые князья, Юрий и Вячеслав. Кормилец их, боярин Нежата, являл собой образец учтивости и богобоязненности, поэтому на другой же день оба приехали в Апраксин-Мухавецкий монастырь. Братья были послушными и рассудительными отроками, отменно обученными Священному Писанию. С игуменьей Юхимией они обходились весьма почтительно и обещались во всех делах спрашивать ее совета.

Боярин Нежата подтвердил, что Юрий благополучно приехал в Туров, там его радостно встретили и устроили на княжьем дворе. Но попутно туровцы послали к владимирскому князю Андрею и просили быть им «вместо отца».

– А значит, бояться, что киевский князь им головы снесет! – злорадно воскликнула Прямислава. – Или мой отец вернется, и тогда им не поздоровится, вот и хотят себе во Владимире защиту найти. Зря надеются! Не будет Андрей предателям против родного старшего брата помогать!

– Грех тебе так говорить, княгиня! – прервала ее игуменья. – Грех на своего мужа венчанного беду звать!

– А радоваться, что отец мой ворами будет ограблен и оскорблен – не грех? – воинственно отозвалась Прямислава. – Я отца своего почитаю, а вору добра желать не могу, хоть он мне муж, хоть кто! Сам-то Юрий помнит, что он мой муж? Да он меня на улице встретит – не узнает!

– Что же ты с ним не поехала, ведь звал!

– Дом отца моего расхищать звал? Не дозвется, пусть хоть охрипнет! Вот вернется отец...

Прямислава запнулась. Если Юрия Ярославича ждет гибель, он и ее утянет за собой. Ведь где ей взять другой судьбы, коли Бог их сочетал? Но сочувствовать бессовестному мужу она не собиралась и отказывалась мириться с этим захватом.

Взбудораженная и разгоряченная этими мыслями и разговорами, Прямислава не могла заснуть и полночи ворочалась на тощем монастырском тюфяке. А за окошком царствовала весна, цвела черемуха, из-за отвлоченной заслонки тянуло свежими, сладкими, будоражащими запахами, от которых на сердце становилось тревожно и радостно. Мысли о престолах и войнах отступали: это не главное, ей нужно думать о другом, иначе она упустит самое важное в жизни. Но что? Лежа с закрытыми глазами, Прямислава жадно вдыхала запахи весны, стараясь уловить тайну. Грудь ее расширялась, будто пытаясь втянуть весь сладкий воздух ночи, не упустить ни капли. Хотелось куда-то бежать, кого-то искать, лететь, как ветер, над темной влажной землей, над свежими травами, над рекой, в которой отражается луна... И ее беспокойные порывы не имели к борьбе за престолы уже никакого отношения.

Но она, венчанная жена незнакомого и нелюбимого человека, и ему-то ненужная, была заперта в своей уже решенной и навсегда определенной судьбе, в монастырских бревенчатых стенах. А от весны ей оставались лишь призрачные дуновения из-за неплотно задвинутой заслонки.

И где-то совсем далеко, в темной ночной стране, словно голос ее бессловесной и неясной тоски, выли волки...

* * *

Западные рубежи Перемышльского княжества, тогда же

Где-то поблизости выл волк – гулким, протяжным, низким голосом, идущим, казалось, из самой глубины звериного сердца. Ростислав лежал на походной овчинной подстилке возле костра, укрывшись теплым плащом из толстой шерсти, и слушал, замороженный колдовством прохладной весенней ночи. В такие ночи он не помнил о Перемышле, о поколениях предков-христиан и ощущал себя половцем, одним из тех не знающих стен и городов вольных людей, на которых так походил лицом. В Половецком Поле он никогда не был, а в соплеменниках матери привык видеть врагов, с которыми уже не раз приходилось воевать. Но в такие ночи, когда волчий вой воскрешал в его памяти диковинные предания про деда Боняка, в нем просыпалась дикая стихийная сила – должно быть, та самая, что когда-то в старину позволяла

людям перекидываться в зверей. Ведь умел же полоцкий князь Всеслав превращаться в волка, горноста, тура, даже в Огненного Змея. И Волх, сын первого ладожского князя Словена, тоже умел. Вот стать бы сейчас Огненным Змеем или хотя бы обычным серым волком – уж он тогда не лежал бы в ночном стане, где только лошади всхрапывают и дозорные негромко переговариваются, чтобы не дать друг другу заснуть. Он бы вскочил на четыре сильные лапы и бесшумно исчез во тьме, только серый хвост мелькнул бы. За ночь он успел бы обежать все западные пределы, нашел бы ляхские дружины, что тайком подбираются к перемышльским землям, а там... Если бы еще уметь всю дружину оборачивать волками, то можно прокрасться к вражескому стану, порвать людей и коней, так что потом и битвы никакой не понадобится...

– Чего не спишь? – сонно пробурчал Звонята, сын Ростиславова кормильца и лучший друг. Ворочаясь на жесткой земле, он заметил, что у князя открыты глаза. – Опять про деда мечтаешь?

– Не мечтаю. Думаю. Так был он оборотнем или нет, Боняк-то?

– Был, конечно. – Звонята равнодушно зевнул. Он уже привык, что в такие ночи Ростислав каждый раз думает об одном и том же. – Половцы эти безбожные все оборотни. И волкам поклоняются. А ты – не половец, ты русский князь, я тебе сколько раз говорил! Спи себе.

– Сам спи, тебе перед рассветом в дозор идти!

– А я и сплю!

Этой весной, едва в середине березня поднялась трава, перемышльский князь Володарь велел младшему сыну выступать в дозор. Беспокойные ляхи каждый год тревожили пределы самого западного из русских княжеств. В позапрошлом году состоялся большой поход, в котором Володарь перемышльский разорил ляхские земли и взял большую добычу. Польский король Болеслав, не имея сил ему противостоять, отрядил послов с просьбой о мире и даже пообещал возместить все убытки, если только Володарь прекратит наступление. Князь Володарь, миролюбивый человек, поверил. И напрасно. От предателя воеводы Петрона, поляка родом, король Болеслав узнал, что князь Володарь ездит на охоту с малой дружиной, и напал, когда никто этого не ждал. Князь Володарь, поднятый среди ночи, бился отчаянно, потерял много людей и сам, в конце концов, попал в плен. Только обоз опомнившимся воеводам удалось отстоять. Слепой теребовльский князь Василько договорился о выкупе за брата, но Болеслав потребовал чудовищную сумму – две тысячи гривен серебром. Василько сумел собрать только тысячу двести, и с этими деньгами Ростислав поехал вывозить отца, за недостающее предлагая в залог самого себя. Вернувшись домой, Володарь выкупил сына только к осени. По всем городам рассказывали байки о тех дивных сосудах, серебряных и с позолотой, греческой и угорской работы, которыми Володарь расплатился за освобождение младшего сына.

А в прошлом году Володарь и Василько, в союзе с теми же поляками и беспокойным Ярославцем, ходили воевать город Владимир... Там-то Ярославца и убили под стенами города, остальные замирились. Но, даже сидя за одним столом, ни Володарь, ни Болеслав не думали, что этот мир теперь навек. Пришла новая весна, и вот Ростислав отправился с ближней дружиной по западным городкам, дабы проверить сохранность подновленных укреплений и готовность ополчения. Будет просто чудо, если все это больше не понадобится...

Утром тронулись дальше. Путь лежал вдоль реки Вислок, впадавшей в Сан. Западнее текла другая река с похожим названием – Вислока, приток Вислы. Между Вислоком и Вислокой раскинулся лесной край в три дня конного пути, и в этих местах протянулась довольно неопределенная граница между польскими владениями и Червонной Русью. Жителям прилегающих земель не позавидуешь – редко выдавался год, когда с той или другой стороны не приходили войска или хотя бы отдельные дружины. И тогда сражения, грабежи, пожары, угон пленных. Потом ответный поход возмездия и опять сражения, пожары...

Князь Володарь старался укрепить свои рубежи и вдоль Вислока ставил сторожевые городки. В каждом жила дружина, небольшая, но способная дать отпор несильному набегу, а

главное – быстро послать весть князю. До Перемышля от Вислока можно, если менять лошадей, добраться всего за день-другой, что давало перемышльскому князю возможность собрать войско и отразить недруга. А в усердии набегов лихие ляхи могли поспорить и с безбожными половцами, даром что христиане.

– Чтой-то там, туман, что ли? – Отрок по имени Охрим, за необычайно острое зрение прозванный Ястребом, приложил руку к бровям, заслоняя глаза от солнца. – Глянь, Володаревич.

– Где?

– А вон, над лесом. – Ястреб показал свернутой плетью. – Видишь?

– Вижу... – Ростислав благодаря своей степной крови тоже на зрение не жаловался. – Туман, говоришь? Какой туман, солнце вон как жарит!

– Ведь это прямо над Вислочем туман! – сообразил Звонята. – Как есть там, а?

– А давай-ка поспешать! – велел Ростислав и толкнул коня коленями. – Видали мы такой туман!

Ближняя дружина Ростислава, которую он взял с собой в объезд, насчитывала шесть десятков отроков – немало для младшего княжеского сына, но вполне уместно там, где каждый год приходится воевать. Ростислав, смелый, сообразительный и деятельный, в ратном деле понимал больше старших братьев: пока он оборонял границы, Владимирко помогал отцу управлять городами, а вспыльчивого и упрямого Ярослава Володарь предпочитал держать при себе. За день дружина успевала пройти довольно большое расстояние: все Ростиславовы отроки имели запасного коня. Он вез на себе и щит, сколоченный из еловых плах и обитый толстой кожей с железными заклепками, и кольчугу, и шлем, и копье, и несколько сулиц.

Чем дальше они ехали, тем сильнее сгущался над лесом «туман». Теперь уже все ясно видели, что никакой это не туман, а самый настоящий дым. Для лесных пожаров в середине березня рано – трава едва выросла, земля не просохла. Привыкший к постоянным столкновениям в этих землях, Ростислав первым делом подумал о ляхах. Он только собрался приказать всем надеть шлемы и взять щиты, как из-за деревьев на дороге показались двое мужиков – пешие, в простой некрашеной одежде. За ними торопился еще кто-то, тоньше и с длинным подолом – женщина. Все трое были в толстых шерстяных свитах, мужчины в валяных серых шапках.

Завидев конный отряд, встречные сначала метнулись назад, за деревья, но потом, видимо, узнали и перемышльский стяг, и всадников. Тогда они кинулись навстречу, и вскоре самый первый – рослый худощавый мужчина, уже в годах, с впалыми щеками, длинными вислыми усами, как носили в этих краях, – вцепился в Ростиславово стремя.

– Князь! Ростислав Володаревич! – кричал он, и его серые глаза горели, как два сизых угля. – Да что же это такое делается? Ни сна, ни покоя! Не один год ведь! Не один!

– Ты, Осталец! – Ростислав узнал мужика и наклонился с седла. – Что такое у вас? Горит?

– Горит, батюшка! Ляхи безбожные! Ни стыда, ни совести! Только что помирились, крест целовали, в дружбе клялись – и вот опять на наши головы!

– Да что такое? Что с Вислочем? Рассказывай, не причитай!

– Налетели на нас вчера под вечер! – принялся рассказывать Осталец, безотчетно дергая стремя Ростислава, будто боялся, что тот слушает невнимательно. – Мы и ворота закрыть не успели! Кто же думал? В воротах бились, перед церковью, во дворах бились. Да смяли нас, кого побили, кого скрутили.

– Сколько их?

– Много.

– Ой, видимо-невидимо! – заговорили вслед за Остальцем и два его спутника, мужчина, тоже немолодой, и девушка с косой. – Сотня будет!

– Сотня? – уточнил Звонята, помнивший, что у страха глаза велики. – Не пять десятков?

– Ну, семь-восемь десятков есть, – заверил второй мужчина, приземистый, со светлыми волосами и рыжеватыми усами. – Ночевали у нас, всю ночь гудели, поели-попили, что у нас имелось припасу, утром ушли и людей угнали.

– Всех?

– Нет, стариков и старух просто вытолкали. Те в Излучин побрели, а мы в Добрынев, чтобы через тамошнего воеводу весть тебе подать. А может, и дал бы войско? Еще ведь отобьем людей-то! Недалеко ушли гады!

– Кто воевода у них?

– Не знаю, княже, не видели мы его. Мы-то как уцелели – подались мы с дочкой в лес, а Осталец, стало быть, рыбу ловил, вот в городе и не случилось нас. Тем и спаслись.

– Не сам король Болеслав?

– Нет, старики говорили, молодой больно, никто его в лицо не знает. Да и дружины мало, для короля-то...

– Город ляхи зажгли?

– Да нет вроде, уходили – еще не горело. Просто огонь в печи остался где-то без присмотра, да уголек вылетел. Как оно бывает... Хотя, может, и зажгли.

– Что они, глупые совсем – дымом нам весть подавать! – хмыкнул Звонята. – В Добрыневе увидели бы дым, да и выслали дружину.

– Ладно, ступайте в Добрынев и скажите воеводе Гневуше, чтобы снаряжал дружину и вслед за нами вел, – велел Ростислав беженцам. – Передайте, я приказал. Поторапливайтесь. Успеете вовремя – выручим, кого угнали.

Мужики посторонились с дороги, отряд тронулся дальше. Проезжая, Ростислав скользнул взглядом по лицу девушки: она смотрела на него с надеждой и обожанием, и у него приятно екнуло сердце. Несмотря на все заботы, Ростислав оставался парнем двадцати лет и ни одну девушку не мог миновать, не учинив ей быстрый осмотр. Он знал, что славянским девушкам кажется некрасивым, «слишком половцем», но для этой дочери смерда с пограничья он воплощал защиту, избавление от беды и надежду снова увидеть угнанных в плен подруг и близких. Все равно что святой Георгий с золотым копьём. Или Ярила, коего еще почитают по весям и селам. И не важно, что конь под ним не белый, да и сам смугловат уродился...

Пустив лошадей вскачь, дружина вскоре приблизилась к излучине реки. Вислок здесь делал поворот, и на мысу образовалось удобное место, с трех сторон защищенное рекой и впадавшим в нее безымянным ручьем. На этом мысу два года назад заложили сторожевое укрепление. Занимался его строительством сам Ростислав, поэтому городок получил название Вислоч-Ростиславль. Целую осень под присмотром княжича возили землю и строили вал на мысу, который ограждал поселение со стороны суши, вырубали в лесу бревна, потом зимой свозили их сюда, а весной ставили городни. Ростислав почти весь тот год прожил здесь, лишь изредка навещаясь в Перемышль, так что сам князь Володарь, соскучившись, то и дело приезжал его навестить. В городке Ростислав знал не только каждого человека, но и каждую собаку и корову.

И вот: ворота сорваны, одна створка валяется на земле, а вторая сброшена в Вислок. Что происходит внутри Вислоч-Ростиславля, разглядеть было трудно из-за обилия дыма. Отроки начали чихать и закрывать лица рукавами, у Ростислава от дыма тоже заслезились глаза. Но пламя, к счастью, мелькало сквозь серую душную марь лишь кое-где: горел не весь городец, а на двух-трех дворах.

– Тушить будем? – спросил отрок по прозвищу Чародей. – Ох и горло дерет! Если не потушим, все выгорит. Кабы дождь, а то ведь вон как ясно. И чего цело – сгорит!

– Пока тушить будем, людей до Кракова доведут, – бросил Ростислав. – Черт с ним, пусть горит! Бревна новые привезем, дома построим, если будет для кого! А пустой город мне зачем, где я людей для него возьму? Опять на Владимир за полоном идти?

Население пограничных городков и впрямь какой-то частью состояло из полона, приведенного из других земель. Володарь помогал вынужденным переселенцам, выделял им зерно и кое-что из скота, стараясь, чтобы у них не возникло желания бежать обратно.

– Поехали! – Ростислав повернул коня к тропке на брод. – Догоним.

* * *

Догнать ляхов, ушедших лишь нынешним утром, не составляло труда – тех сильно задерживал пеший полон и медленно бредущая скотина. К тому же лепешки и комки навоза ясно указывали путь, где гнали коров и лошадей.

Когда следы стали совсем свежими, Ростислав остановил дружину и приказал снаряжаться: натянуть кольчуги, надеть шлемы, взять щиты.

Впереди показался брод через вторую порубежную реку, Вислоку: за ней лежали земли уже скорее ляхские, чем русские. Над бродом в воде висело широкое пятно взбаламученной грязи, а берег сплошь покрывали следы раздвоенных коровьих копыт и человеческих ног. Поверх них отпечатались следы конницы: значит, конные ляхи идут позади добычи. Часть дружины верхом, вероятно, возглавляет строй, но их следы полностью затоптаны пленниками и скотом.

Проехав брод, Ростислав обернулся и окинул взглядом берег. Спуск к броду был довольно крут, кони одолевали его шагом, очень осторожно. Если что, держать оборону с русского берега будет гораздо удобнее, чем идти здесь на приступ.

За бродом следы свернули: отряд грабителей направлялся на большую Краковскую дорогу, по которой купцы из Руси ездили в Польшу. Но силами столь малого отряда Ростислав не мог воевать с польскими городами, поэтому грабителей необходимо было догнать раньше, чем те до нее доберутся.

– Вон, вон! – закричал от чела строя Ястреб и тут же понизил голос, точно враг мог его услышать: – Вон, Володаревич, из низинки поднимаются! Видишь?

– Вижу!

Впереди открылось довольно широкое пространство – луговина, где паслись коровы и несколько овец. Примерно в полуверсте виднелся отряд, выходящий из ложбины. Как и думал Ростислав, впереди шла часть конницы, за ней – сбившийся в кучу полон, потом – скот и остаток конницы. Дорога огибала лес, и вскоре отряду предстояло скрыться за поворотом. Обоза у поляков не имелось – видимо, пошли налегке, намереваясь взять какую получится добычу и сразу вернуться, пока перемышльский князь не успеет узнать о нападении. Они не могли предвидеть, что сын Володаря окажется совсем рядом.

– Закройте уши лошадям, – велел Ростислав, обернувшись к ближайшим отрокам. – Как услышите «Вперед!» – бейте задних. Кого сможете, берите живыми. Старший – Звонята.

Он повернул коня на узкую тропинку, разрезавшую выступ леса насквозь. Большой отряд или повозка пройти здесь не могли, но пешему путнику или одинокому всаднику тропинка позволяла заметно сократить дорогу. Ростислав помчался по ней, торопясь обогнать медленно идущий отряд.

Примерно на полпути княжич остановился, соскочил на землю, вложил коню в уши затычки из пакли и набросил повод на ветку. Умный скакун никуда не уйдет без хозяина, но потом за ним надо будет вернуться – ведь никакого зова он не услышит. А ехать дальше нельзя: в лесу конский топот разносится далеко, а Ростислав не собирался заранее дать ляхам знать о себе.

Дальше он побежал налегке. Кольчугу и шлем оставил с конем – сейчас для него скорость была важнее, да и вступить в бой сразу он не собирался.

А бегал Ростислав хорошо. Не совсем так, как настоящие волки, но всяко лучше деда Боняка, который по степному обычаю даже по нужде на десять шагов от кибитки отъезжал верхом.

Добравшись до опушки и выглянув, Ростислав с облегчением отметил – успел. Отряд находился еще примерно в паре перестрелов. Над группой всадников болтался на длинном древке какой-то стяг, но ветер свернул его, и Ростислав не мог разглядеть изображения. Как и среди всадников, ехавших поблизости от стяга, он не видел знакомых лиц и не мог угадать, кому принадлежит дружина.

Ростислав отдышался. Отряд ляхов уже начал огибать выступ леса: голова находилась уже с этой стороны, а хвост – еще с той, где ждал Звонята с дружиной, не показываясь пока что из зарослей.

Самое подходящее время.

Пора.

Набрав в грудь воздуха, Ростислав поднес руки ко рту и завыл: надрывно, тоскливо, по-волчьи. Многие отроки и охотники умеют подражать волкам, но внук Боняка достиг в этом искусстве невиданных высот. Вой полетел над лесом, над луговиной, и его услышали. Всадники удивленно завертели головами, кони забеспокоились, стали приплясывать, менее вышколенные встали на дыбы.

Ростислав испустил еще один вопль, леденящий душу. Эхо в лесу показалось каким-то уж слишком долгим и ясным, и тут он с изумлением понял, что ему отвечает другой волк, настоящий! Сам он никогда не путал голоса волков с голосами подражающих им людей.

Хищник крылся где-то в лесу, в тех местах, которые ляхский отряд уже проехал. Отряд встал, всадники пытались усмирить коней. В восторге от неожиданной помощи, Ростислав снова завыл, и волк вторил ему, а где-то чуть дальше им ответил третий! Должно быть, серые лесные псы неподалеку расположились на дневку. Ростислав взвыл еще раз, и голоса трех волков слились в один, протяжный и переливчатый поток.

Со стороны отряда раздавались беспокойное конское ржание, ругань и крик. Один жеребец метнулся в сторону и помчался назад, прочь от тревожной песни смерти, потом сразу три-четыре. Надо думать, лошадей напугал не только вой, но и запах близкого хищника, который они уловили своими чуткими ноздрями.

В рядах ляхской дружины началась паника. Не слушая всадников, животные метались туда-сюда, одни рвались вперед, другие назад. Мимо Ростислава, притаившегося на опушке, промчался конь без всадника, за ним другой, на котором человек сидел, вцепившись в гриву, а седло под ним быстро сползло набок. Третьему пришлось еще хуже – он застрял ногой в стремях, и обезумевший жеребец волок за собой по земле тело, уже едва ли живое.

Топот, крик и ржание оглушали. Ростислав даже не сразу расслышал боевой клич своей собственной дружины: Звонята не сплеховал и ударил вовремя. Лошади перемышльцев благодаря затычкам в ушах не слышали волчьего воя и гораздо лучше повиновались всадникам среди начавшейся свалки. Перемышльцы метали во врагов сулицы, рубили мечами и топорами, рассеивая ряды ляхов, и уже вскоре пробились к полону.

Пленные жители города Вислоча, увидев стяг и поняв, что к ним пришла свобода, кричали от радости и ужаса: будучи связаны в длинные вереницы, они не могли уйти из гущи битвы, и теперь клинки сверкали, а копыта молотили почти у них над головами! Люди испуганно жались к обочинам дороги, к кустам опушки, пытались спрятаться среди деревьев, но, неловкие со связанными руками, многие падали, разом обездвиживая всю цепочку. Отрокам Звоняты приходилось не только бить ляхов, но и следить, чтобы не потоптать своих. Коровы, медлительные и бестолковые, увеличивали суматоху и давили пеших пленников, оглашая лес обиженным мычанием. На лесной дороге творилась полная неразбериха, крайне опасная и для людей, и для животных.

– Лошадей к лесу! – орал Звонята, рискуя сорвать голос. – Ляхов собирай! Развяжите пленных, живее!

К счастью, дураков в дружине Ростислав старался не держать, ибо гибнут они быстрее, поэтому многие сами сообразили, что нужно делать. Ляшский отряд уже рассеялся и опасности не представлял: одних умчали прочь взбесившиеся кони, других ранили в схватке, третьих выбили из седел и они так сильно ушиблись, что им было не до драки. Вот этих перемышльцы и принялись стогнать и вязать веревками, снятыми с русских пленников. Не успели освободить нескольких человек, как они похватили клинки, в изобилии валяющиеся в траве, и принялись резать веревки у товарищей. Вскоре все скорбные вереницы рассыпались, бывшие пленники тут же принялись помогать вязать ляхов, женщины кинулись в лес собирать разбежавшуюся скотину. Без скота и домой возвращаться не стоит – жить станет нечем.

Когда на лесной тропинке показался мчавшийся во весь опор Ростислав, его встретили победными возгласами. Отроки уже перевязывали полученные раны, хотя в целом дружина урон понесла небольшой. Все остались живы, лишь кое-кто оказался ранен, да Чародей получил по шлему такой сильный удар, что теперь лежал на траве без памяти. Радень, его друг, с обалделым видом щупал сквозное отверстие в железе шлема: до черепа лезвие топора не достало только благодаря толстому простеганному подшлемнику.

Измученные пленники гомонили, женщины кричали и причитали, дети плакали, скотина мычала – ничего не удавалось разобрать, и приходилось объясняться больше знаками. Ляшских пленников приводили, связывали и сажали на траву в сторонке. Рысенок, недавно принятый в дружину отрок, приволок стяг, который разыскал под тушей коня, свернувшего себе шею в общей свалке и заодно придавившего насмерть своего седока. Ростислав одобрительно хлопнул Рысенка по плечу – слов тот не расслышал бы – и развернул полотнище.

Перед ним был белый орел – один из тех, что украшают многие ляшские стяги, но именно этот рисунок он видел впервые. «Да что же это такое?» – Ростислав толкнул Звоняту, тот pokrutil головой: сорвал голос и даже не пытался ответить вслух на бессловесно заданный вопрос.

К Ростиславу подошел Свен, здоровенный рыжий бородач с невинными голубыми глазами. Он происходил из семьи давным-давно осевших в Ладогe варяжских торговых гостей, и в дружине его звали Варягом. Он знаком позвал Ростислава за собой и подвел к ляшским пленникам, рядком сидевшим и лежавшим на траве.

– Вот вроде их главный! – заорал Свен, луженая глотка которого могла перекрыть рев любой бури. – Только молодой больно.

Свен не ошибся: на груди юного, лет шестнадцати, ляха блестела золотая гривна искусной работы, которую тот никак не мог в таком возрасте заслужить делом. Одежда его, весьма помятая и испачканная, тоже была хорошей, на поясе в ряд сияли серебряные бляшки.

Лицо парня, порядком чумазое и почему-то с замуренным правым глазом, показалось Ростиславу знакомым. Сообразив, кто это, он охнул и замер с открытым ртом, сам не веря в такую невероятную удачу.

Подобное счастье стоило всех понесенных трудов. Перед Ростиславом сидел на земле со связанными руками князь Владислав, старший сын польского короля Болеслава Кривоустого.

– Пан Владек! – От избытка чувств Ростислав прижал руки к груди. – Как же я рад тебя видеть! Вот накажи меня Бог!

Он умел говорить по-польски – научился за те месяцы, что провел в заложниках у короля Болеслава. Там-то он и познакомился с его семьей: с женой, королевой Собиславой Святополковной, дочерью прежнего киевского князя Святополка, и со всеми ее детьми. Владислав был старшим из них, и, глядя на эту пару, мало кто угадал бы в них мать и сына. Собиславу Святополковну обручили трехлетней девочкой, а выдали замуж семилетней – в этот год ее нареченный жених стал польским королем, унаследовав трон после смерти отца, и Святополк решил,

что затягивать со свадьбой не стоит. В семь лет став королевой, своего первенца Собислава родила в тринадцать, и вот теперь Владиславу исполнилось уже шестнадцать.

Ростислав не притворялся: едва ли он мог бы искреннее ликовать, увидев сейчас перед собой родного брата.

Но времени упиваться удачей не было.

– Варяг! – Он обернулся к здоровяку, который стоял рядом, охраняя знатного пленника и ожидая указаний. – Выбрать ему коня наилучшего, привязать к седлу. Берешь троих, кого захочешь, но чтобы лошади – как ветер, и мчишься в Перемышль. Пошел!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.